

КАМЫР-БАТЫР

В давние-предавние времена жили-были, говорят, старик со старухой. Детей у них не было, и была по этому поводу большая печаль.

Однажды решили они из теста слепить себе сынка-удальца. Бабка пошла корову доить, дед вышел дрова рубить.

Воротились они да и ахнули: этот самый мальчик, которого они слепили из теста, с козлятами на полу играет...

Рос Камыр-батыр* не по дням, а по часам. Выстругал ему дед битую гладкую, деревянную. Опёрся на битую малец, и треснула бита пополам. Пошёл дед тогда в кузницу, и сделал кузнец для его мальчика битую железную. Побежал Камыр-батыр с этой битой на улицу, стал с другими мальцами играть: в первый день одному ногу сломал, во второй день другому хребет перебил.

Собрался тут деревенский народ и сказал деду своё веское слово:

— Малец твой и на ребёнка не похож, всех детишек наших искалечил, делай что хочешь, только чтоб в деревне его более не было.

И отправился тот малец по свету бродить. Шёл он день, шёл он ночь, месяц минул, год прошёл, от деревни он ушёл на один вершок. И попал в дремучий лес. Повстречался ему в этом лесу человек стреноженный.

Камыр-батыр спрашивает у того человека:

— Ты зачем это ноги стреножил?

Тот человек говорит:

— Мне и так в самый раз. Коли я их освобожу, за мной и птица быстрая не угонится.

Взял его Камыр-батыр себе в товарищи.

Шли они, шли, и встретился им по дороге человек, зажавший ноздрю одну пальцем.

Спрашивает Камыр-батыр у того человека:

— Ты зачем одну ноздрю пальцем зажал?

Тот человек отвечает:

— Мне и с одной ноздрей в самый раз. Коли я вторую ноздрию открою, страшная буря поднимется. Коли я в эту ноздрю выдохну, могу мельницу ветряную пять суток не переставая крутить.

Взял и его Камыр-батыр себе в товарищи.

Шли они, шли, и встретился им по дороге старенький дед с белой бородой, со шляпой набекрень.

Спрашивает Камыр-батыр у того старика:

— Ты зачем это шляпу набекрень надел?

* *Камыр-батыр* — камыр — тесто; батыр — богатырь.

Тот старик говорит:

— Мне и так в самый раз. Коли я шляпу прямо надену — пурга поднимется, всех снегом засыплет. А коли я шляпу на глаза надвину, вся земля на два аршина льдом покроется.

И старика взял Камыр-батыр себе в товарищи.

Шли они, шли, и встретился им по дороге ещё один человек: целится он из лука, целится...

Спрашивает Камыр-батыр:

— Ты куда это так целишься?

Тот человек говорит:

— Видишь, во-о-он там, в шестидесяти верстах, на высокой горе, на нижней ветке вон того толстого дерева муха сидит? Хочу этой мухе в левый глаз попасть.

Взял Камыр-батыр и лучника этого себе в товарищи.

Шли они, шли, и встретился им по дороге один бородатый детина, который в земле возился.

Спрашивает у того детины Камыр-батыр:

— Ты что это тут возишься?

Говорит бородатый:

— Вот стукну левой рукой, здесь гора появится, а стукну правой — тут гора.

Взял и детину Камыр-батыр себе в товарищи.

Шли они, шли и дошли до одного бая*. Попросил Камыр-батыр бая, чтобы он свою дочь за него замуж выдал. А бай говорит:

— Моя дочь падишаховой дочке ровня, не хуже ничем, не чета вам всем. Однако я человек добрый, коли обгонишь моего скорохода, отдам тебе дочку.

Пустились теперь наперегонки баев скороход и Стреноженный. Скакнул Стреноженный и одним махом шестьдесят вёрст одолел. Решил он вздремнуть. Пока баев скороход до него добирался, лёг на пригорке и заснул крепко. Вот уже баев скороход обратно возвращается, а Стреноженный спит себе на пригорке, похрапывает.

Тут говорит Камыр-батыр лучнику:

— Ай-яй, никак верх за баевым скороходом останется? Ну-ка, стрельни в него, сделай такую милость.

Выстрелил лучник и попал спящему в правую мочку. Встреппенулся Стреноженный, скакнул и вперёд баева скорохода на майдане оказался.

Хитрил бай всяко, изворачивался и ухитрился-таки всю компанию в чугунной бане запереть. Навалили дров вокруг бани, огонь поднесли — намерен бай всех живьём зажарить. Начало их припекать в этой бане. Поправил Камыр-батыр шляпу на голове у Седобородого, и поднялась в бане пурга, глаза застит. Однако раскалилась баня докрасна, опять их там припекает. Натянул Камыр-батыр шляпу ему по самые уши — и ударил в бане жуткий мороз, стены заиндевели.

Открыл на другой день бай двери в бане и рот разинул: жива вся компания, сидит и зубами дробь выбивает.

* Бай — богач.

Камыр-батыр говорит этому баю:
— Ты мне голову-то не морочь. Бороться будем или на кулаках драться? Выбери, что тебе, баю, по сердцу.

Бай говорит:

— И поборемся, и на кулаках побьёмся. Нет у меня такой дочери, чтоб за тебя замуж пошла. Сам бери, коли силёнок хватит.

И пошла у них драка, началось у них побоище. Так они старались, что земля у них под ногами потрескалась: где ровно было, там вспучилось, где вспучено было — заблестело, как лысина. День они бились, ночь они бились, и утром колотились, и вечером молотились. Ловким бойцом себя показал Камыр-батыра товарищ, закрывающий пальцем ноздрю: дунет, свиснет в пустую ноздрю — двадцать баевых слуг улетят вверх тормашками. Стукнет Бородатый справа — гора вырастает, стукнет слева — другая гора, тридцать слуг баевых под горою. А взмахнёт сам Камыр-батыр своей битой и враз сорок баевых слуг положит.

Не вытерпел бай такого избиения, отдал свою дочь. Как выдали баеву дочку за нашего батыра, пир горой пошёл. Тридцать дней к нему готовились, сорок дней этот пир справляли, пять кобыл непойманных сварили, наелись все до отвала.

И я на том пиру побывал, ай, хороший был пир! Столы от кушаний так и ломились, в котлах бараны живые томились, мёд-пиво ставили бочками — век бы ходить за такими дочками! Честное общество ковшами хлебало, мне, правда, одной ручкой перепало.

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

В давние-давние времена, когда сорока служила сотником, утка — урядником, синица — писарем, а собака дослуживалась до десятника, начальства прибавилось. Был тогда, сказывают, один человек, пошёл он однажды по двум тропкам, но по одной дорожке. Пошёл вкривь и пошёл вкось, пошёл в бок и пошёл в чушь, шёл-шёл и дошёл до двух кустов и одной ивы. Срубил одну кривую, другую горбатую и вновь пошёл по двум тропкам и одной дороге и дошёл до озера. А там сидели две дикие утки и одна дичь. Выстрелил криво — не совсем попал, выстрелил вкось — ну, точь-в-точь. Утку зарезал, пуд сала вытопил.

Был в те времена, говорят, один падишах. Был у него яблонево́ый сад. Однажды, гуляя по саду, падишах заметил, что яблоки с одной яблони исчезают, и поставил сторожить человека. На рассвете сторожа потянуло ко сну и он заснул.

Утром падишах вышел в сад, проверил наличие яблок и видит: снова нет одного яблока. После этого падишах засадил сторожа в тюрьму, а на следующий день поставил другого человека. Этот сторож высидел ночь. Как только наступил рассвет, он тоже уснул. Падишах утром выходит в сад, пересчитывает яблоки, снова одно яблоко исчезло. Падишах сильно разозлился и велел отвести и этого сторожа в тюрьму.

Третий сторож падишаха также охранял сад всю ночь. На рассвете и он уснул. Падишах снова выходит и смотрит, и снова нет одного яблока. Падишах засадил и этого сторожа в тюрьму и стал сам охранять сад.

С наступлением сумерек падишах засел в саду. Всю ночь просидел он. На рассвете его стало клонить ко сну. Спать хочется, но он сидит, терпит. В это время прилетела птица и села на одну большую яблоню. Только она села, падишах осторожненько подкрался и схватил птицу. Он поразился красоте этой птицы — Золотой птицей она оказалась. Падишах с почётом внёс эту птицу во дворец и посадил в золотую клетку.

Как и все падишахи, он был очень хвастлив и сообщил всем другим падишахам: «Я поймал Золотую птицу». Соседние падишахи, кто из зависти, кто желая увидеть Золотую птицу, приехали к назначенному времени.

Падишахи сидели на меджлисе*, а сын падишаха Арслан, вернувшись с учёбы, бегал, играл. Стреляя из лука, мальчик вбежал в комнату, где сидела Золотая птица. Он выстрелил из лука, и стрела залетела в клетку, где сидела Золотая птица. Арслан подошёл к клетке, чтобы взять стрелу, тут птица заговорила с ним человеческим языком:

* Меджлис — собрание; пир.